

У Лот возникнет ощущение, что уже на протяжении долгого времени она не дышала чистым воздухом. Они пойдут рука об руку, Комета, глядя на неё с тем удивлением, с каким смотрят на вещи после нескольких выпитых бокалов, как если бы они материализовались перед тобой по волшебству и могли бы исчезнуть в любой момент. Она захочет навсегда остаться в этом городе. Комета ничего не скажет, только будет насвистывать «*A love supreme*», и будет казаться, что Он не помнит о существовании девушки, идущей рядом. Наверняка в какой-то момент он признаётся ей в вечной любви, но тут же забудет об этом и продолжит идти рядом. Он будет казаться отсутствующим, но не безразличным, не пренебрежительным, не индифферентным, а очень деликатным и по-своему нежным. Лёгким. Она подумает: «Я могла бы исчезнуть, и ничего бы не произошло». «Могла бы уйти, и он никогда бы не позвонил мне». «Могла бы испариться, и Он сказал бы: «О, надо же, как интересно!» — и продолжил бы насвистывать свою песню». Снова и снова Лот будет думать об открытии, которое она сделала днём: «Какой прекрасный способ быть самодостаточным!» — воскликнет она в тишине. И, возможно, именно поэтому, ей захочется остаться и следовать за Ним куда угодно, в ад, если потребуется. И она продолжит идти рядом, пребывая в спокойной уверенности, что вместе они точно куда-нибудь придут.

Б1

ЭТО ВЫ МНЕ?

Дождливая пятница, осень 2003 года. Всю ту неделю мне не даёт покоя одна и та же фраза («У меня предчувствие»), как привязчивая песня, которая незаметно проникает в голову и от которой не отделаться, и ты стараешься изо всех сил случайно не запеть её. Так и я старалась не произносить эту фразу. «У меня предчувствие», — могла бы я говорить каждый день на той неделе. Но не сказала. И к лучшему. Всё равно не поможет. Я не сделала этого, во-первых, из суеверности, а во-вторых, из деликатности: нельзя такое говорить в присутствии человека, которого нехорошее предчувствие касается. Это и плохая примета, и неэтично. Так что никто дома не произнёс эту фразу — ни в понедельник, ни во вторник, ни в среду, ни в четверг. Неделя заканчивается сегодня, в пятницу. Сегодня эта фраза неожиданно приобретёт ошеломительный смысл.

Дождливая пятница, осень 2003 года. Шестнадцатая осень с момента нашей первой встречи в баре. В баре, повидавшем всякое за долгие годы. Два совладельца

закрыли его и уехали работать за границу. А потом умерли. Ф., которому было немного за тридцать, попал в аварию за два месяца до рождения первенца. Той ночью он возвращался с долгой, полной душевных разговоров встречи с М. — другом и бывшим напарником, которому в пятьдесят лет диагностировали рак без шанса на излечение. Первоначальное очарование этого места исчезло вместе с ними. Недавно ещё один наш друг выкупил его, восстановив в первоначальном блеске. Но мы навещаемся туда не часто. Мы никогда никуда не ходим по ночам. Только днём.

Странная и выматывающая неделя. Уже некоторое время назад у Него начались непонятные боли и жжение, не связанные с физической нагрузкой. По Его словам, как будто огонь в плече, который обжигает и тут же проходит. Мы, конечно, пошли к врачу — хорошо, что не пришлось тащить Его силком, потому что Он противится ходить к врачам, всегда противился. «Шейные позвонки», — сказали нам в первый раз, когда во время отпуска пришлось вызвать местную скорую. Поскольку, несмотря на лечение, боль продолжалась и сопровождалась необычными симптомами, несколько дней назад Он пошёл к врачу, которому доверяет. Это один из врачей, славящийся своим умением точно ставить диагноз, и к тому же наш друг. Но медицина — наука не математически точная, и множество

мелких нюансов могут привести к ошибке, особенно когда пациент не из тех, кто проводит жизнь, вечно ходя по врачам. Более того, у Него никогда не было симптомов, хоть как-то свидетельствующих о том, что через пару часов его поразит клинок смерти. На самом деле Он всегда был не похож на других — и телом, и духом. Ему сложно идентифицировать боль. Говорит, это потому, что у Него никогда ничего не болело. В детстве — да. Но этого Он уже не помнит. В детстве Он страдал от разных древних, словно взятых из книг болезней, таких как тиф, от которого едва не умер, или этиловая кома, в которую Он впал в возрасте шести месяцев по вине няни, давшей Ему бутылочку с медицинским спиртом вместо минеральной воды. А ещё в юности Он переболел пневмотораксом, о чём вспоминал с большим удовольствием. Вынужденный соблюдать постельный режим, Он непрерывно принимал у себя гостей, вёл глубокомысленные беседы и читал запоем, в то время как Его родители состязались за звание кулинарного гения, готовя для Него изысканные кушанья.

Воспоминания о том времени так дороги Ему (хотя, конечно, бывали и трудные моменты, о чём свидетельствуют письма, которые хранят некоторые Его друзья), что сегодня, если спросишь, кем бы Ему хотелось быть, Он часто отвечает, что его призвание — быть выздоравливающим. Думаю, Он решил так в ранней юности,